

Батраев Евгений



Невендаар  
Часть 1

ЕВГЕНИЙ Батраев

**Невендаар**

«Автор»

2026

## **Батраев Е.**

Невендаар / Е. Батраев — «Автор», 2026

Невендаар живёт в лжи. Церковь называет Бетрезена князем тьмы. Но демоны шепчут иное — о предательстве, о котором молчат ангелы, о тайне рождения людей. Эта правда не спасёт. Она разрывает веру, жжёт больнее огня и не дарует надежды. Мир трещит. Древние догмы рушатся. И лишь тот, кто осмелится заглянуть за грань, поймёт: истина никогда не была радужной. Но будет ли поздно прятаться?

## Содержание

Часть 1. Зарождение	5
Пролог: Мир, который мы потеряли.	6
Глава 1: Предел	7
Глава 2: Чертоги Пепла	10
Глава 3: Слепые пастыри	13
Глава 4: Первый из шести	16
Глава 5: Поющая	20
Лиара	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# **Евгений Батраев**

## **Невендаар**

### **Часть 1. Зарождение**

## Пролог: Мир, который мы потеряли.

Говорят, раньше небо над Невендааром было цвета расплавленного золота, а свет Селестии лился на землю потоками чистой благодати. В этом свете не было нужды в доспехах, ибо не было нужды в войне. Первые эльфы, баловни бога Галеана, ходили по лесам, не оставляя следов на траве. Их песни сплетались с ветром, и время не имело над ними власти.

А глубоко в горах, в жилах самой земли, Богом Вотаном были созданы Гномы — кряжистые, несокрушимые, чтобы быть фундаментом этого мира. Их руки не знали усталости, а их кузницы были так горячи, что в их пламени рождались первые звёзды.

Всеотец же создал людей по своему подобию, наделив их свободой воли.

Но мир был юн и неокрепшим. И тогда Отец создал ангелов — совершенных духов, чтобы они служили мостом между замыслом и творением. И среди них был Любимейший. Его имя было Свет, а голос был подобен звуку тысячи арф. Ему была дарована величайшая честь — пасти смертные народы, как пастух пасёт стадо.

И тогда случилось Падение.

Змей, познавший глубины собственной гордыни, восстал. Нет, он не поднял меч. Его оружием была Мысль. Он увидел, что Отец наделил смертных искрой свободной воли, и возжелал этого сокровища больше, чем света. Он возжелал не просто служить творению, а властвовать над ним. Его красота обернулась бахвальством, а его голос — ложью. Имя ему было Бетрезен.

Отвергнутый Отцом, низвергнутый с Небес в преисподнюю, он не сгорел в огне. Его ненависть стала его плотью. Его зависть стала его броней. В адской бездне он сотворил легионы из собственной злобы, и имя им было — Демоны. Твари, не знающие ничего, кроме желания разрушать. Они были порождением хаоса, антиподами жизни.

И тогда Бетрезен посмотрел наверх, на прекрасный Невендаар, и произнёс первое слово Войны.

Так нам твердила церковь...

## Глава 1: Предел

Грязь под сапогами чавкала кровью. Не водой, не болотной жижей — именно кровью, чёрной и маслянистой, в свете умирающей луны отливающей бензиновыми разводами. Демоническая кровь всегда такая — она не питает землю, а убивает её.

Я сместил центр тяжести на полпальца влево, чувствуя, как запястье привычно проворачивает рукоять. Этого хватило, чтобы когтистая лапа твари, шипя и роняя хлопья серы, пронеслась мимо уха, вспоров лишь воздух. Вспороть что-то большее я ей не позволил. Мой меч — пока ещё единый клинок, чья рукоять была покрыта тёплой, почти живой сталью — вошёл под рёбра демону плавно, словно раскалённая игла в шёлк. Рывок вверх. Глухой стук падающего тела.

Всё это было неправильно.

Засада на Имперском Тракте, в десяти милях от Эмридской Заставы? Здесь должны были стоять освящённые пикеты. Почему демоны спокойно перешли Серебрянку? Почему они действуют слаженно, а не безумной ордой? Пока мои люди, теряя строй, отбивались от нападающих бесов, мой разум, вопреки хаосу, работал как чётко смазанный механизм, перемалывая эти нестыковки в труху.

Передо мной, в десяти шагах, переминались двое.

Первый относился ко второму кругу. Имперский кодекс называл их «Алогоны». Солдаты попроще — «рогачами». Эти твари были ростом с высокого мужчину, но на этом сходство заканчивалось. Их кожа напоминала спекшуюся корку запёкшейся лавы — бугристую, тёмно-багровую, кое-где пробитую острыми выступами костяных наростов, растущих прямо из позвоночника наружу. Голову Алогона венчали не просто рога, а целая костяная корона, закрученная спиралью и заострённая так, что ей можно было вспарывать лошадей. Но самым жутким были не рога. А то, что у этой твари отсутствовали глаза в человеческом понимании. Вместо них по лицевому щитку из хитина хаотично бегали, вспыхивая и затухая, рубиновые точки — десятки, будто внутри черепа копошился рой раскалённых светляков.

Второй относился к третьему кругу. И это был Молох. Тот, из-за кого, собственно, Верховный Инквизитор и отправил сюда именно меня, а не заурядный карательный взвод.

Молох не шёл. Он занимал собой пространство. Три с половиной метра от копыт до вершины костяного гребня. Когда он сделал шаг вперёд, то заслонил собой луну, и на лагерь упала его тень — тяжёлая, удушливая, как предгрозовое небо. Его плоть была не органической в привычном понимании, а скорее напоминала живой сплав обсидиана и чугуна, покрытый толстой коркой спекшейся золы. Каждое движение сопровождалось гулом — низким, инфразвуковым, от которого вибрировали зубы. Его торс, неестественно широкий, был опоясан рёбрами, растущими наружу, словно клетка, вывернутая наизнанку. Вместо правой руки — чудовищный костяной таран, усеянный шипами, каждый размером с моё предплечье. На этих шипах ещё болтались обрывки цепей и чей-то штандарт. Вместо левой руки — гипертрофированная трёхпалая клешня, способная сомкнуться вокруг рыцаря в полном латном доспехе и сжать до хруста. Но самым жутким было его лицо. Вернее, его отсутствие. Там, где у гуманоида должны быть глаза и рот, у Молоха была сплошная костяная пластина с вертикальной прорезью, из

которой сочился зеленоватый туман. Этот туман стелился по земле, и там, где он касался травы, трава не горела, а просто забывала, как быть живой, рассыпаясь серым прахом.

Именно Молох перебил пикеты у Серебрянки. И именно его присутствие делало эту засаду не случайной стычкой, а угрозой, которую по уставу следовало бы купировать силами полного рыцарского ордена.

«Капитан! Слева!»

Крик запоздал. Алогон, повинувшись беззвучному приказу старшего, припал к земле и метнулся мне в ноги, целя рогами в пах. Давлениеросло так же резко, как растёт тень от падающей колокольни.

Предел.

Я ощутил знакомый холод в висках. Мир истончился до прозрачности. Время превратилось в тягучую смолу. Чем сильнее давление, чем критичнее провал — тем острее я это чувствовал. Мой разум перестал быть человеческим, становясь идеальной вычислительной машиной.

Данные по Алогону: скорость высокая, атака рогами — финт. Основная угроза — когти на ногах, вспорет бедренную артерию. Данные по Молоху: высота — три и четыре десятых метра. Предположительная масса — до двух тонн. Разгон — медленный. Инерция — колоссальная. Удар тараном сверху вниз — смертелен. Если не убрать с траектории, убьёт всех, кто за спиной.

Решение пришло мгновенно. Я послал импульс в рукоять. «Разделиться».

Чары отозвались вибрирующим звоном. Единый клинок расщепился надвое. Короткий и широкий — в правой, чтобы встретить рога твари жёстким блоком с отводом. Длинный и узкий — в левой. Рывок навстречу.

Правая рука приняла удар костяной короны Алогона. Сталь высекла сноп багровых искр. Левая рука тем временем, действуя как самостоятельный организм, пустила клинок по низкой траектории. Лезвие вошло в подмышечную впадину демона — единственное место, не защищённое хитином. Алогон взвизгнул на частоте, от которой заложило уши. Огоньки в его глазницах хаотично заматались и потухли. Одно готово.

Оставался Молох. Его тень накрыла меня целиком, поглотила, как кит глотает рыбу. Таранная рука пошла вниз. Не быстро — Молох не был быстрым, — но с той неотвратимостью, с какой обрушивается горный склон. Я мог уйти перекатом. Пространства хватало. Но тогда удар пришёлся бы в строй, в тех мальчишек, что стояли за мной сжимая копьё побелевшими пальцами.

Я не ушёл. Концентрация взвинтилась до предела, разгоняя пульс до двухсот ударов, обостряя зрение до такой степени, что я видел микротрещины на костяном таране, видел зазубрину на шипе, которой он зацепит мой наплечник. Я сделал полшага не назад, а вперёд. В мёртвую зону, под самое основание тарана, туда, где сухожилия из сгустков Тьмы крепили руку-молот к плечу гиганта. И сложил клинки крест-накрест.

Таран ударил в перекрестье. Удар трёхметрового гиганта весом в две тонны, помноженный на инерцию.

Мир побелел. Меня вбило в землю по колено. Мышцы взвыли так, будто каждое волокно разрывалось по отдельности. Кости застонали, но выдержали. Предел держал. Я чувствовал, как кровь бежит из носа и ушей — сосуды не справлялись с давлением, — но разум оставался ледяным. Молох замер. Всего на секунду. Этого хватило. Правый клинок скользнул по тарану, вспарывая сухожилия. Левый, повинувшись мысли, вошёл точно в вертикальную прорезь на костяной пластине, туда, откуда сочился зелёный туман. Лезвие ушло вглубь по рукоять. Я провернул его.

Молох не закричал. Он издал звук, похожий на гудение лопнувшего колокола — низкий, вибрирующий, от которого у стоявших позади солдат лопнули барабанные перепонки. Зелёный туман вырвался из прорези фонтаном, и гигант начал заваливаться назад. Медленно, величественно, как падает вековое дерево. Я едва успел выдернуть ноги из грязи и отскочить, прежде чем туша рухнула на землю, сотрясая её так, что треснул камень под ногами.

Тишина.

Я выпрямился, соединяя клинки обратно в одно целое. Дышал рвано. Горло саднило от серных испарений. Кровь из носа капала на наруч.

— Стройся. Раненых в центр, — голос прозвучал сухо, хрипло.

Солдаты, оцепеневшие от зрелища поверженного гиганта, вздрогнули и бросились исполнять. Я же развернулся к тропе, ведущей к Эмридской Заставе. В висках ещё стучал Предел, но разум уже складывал новый пазл. Молох третьего круга так близко к столице — это не налёт. Это вестник. Вестник того, что война, которую мы вели, вступает в новую фазу. И то, что Отцы Инквизиции молчат об этом, пугало меня больше, чем любые рога и когти Преисподней.

## Глава 2: Чертоги Пепла

Место, которое смертные в своих летописях называли «Столицей Проклятых», не имело имени. Имена нужны живым, чтобы обозначать границы, а здесь границ не существовало. Это был не город и не крепость — скорее, открытая рана в теле мироздания, куда стекалась сама суть страдания.

Жар здесь не исходил от какого-то источника — он был самым воздухом, густым и маслянистым, пропитанным запахом серы и раскалённого металла. Небо над Чертогами никогда не было чистым — вечно клубящиеся тучи багрового и чёрного цвета, подсвеченные изнутри вспышками беззвучных молний. Горизонт тонул в дыму, и в этом дыму угадывались исполинские башни, сложенные не из камня, а из застывшей магмы и костей титанов. Они вздымались ввысь под невозможными углами, соединяясь мостами, которые парили без опор, и каждый такой мост был усыпан шипами, а под ним, в бездонной пропасти, текли реки жидкого пламени.

По этим мостам двигались тени. Бесы низшего круга сновали стаями, их визгливые голоса сливались в непрерывный фоновый шум. Алогоны вышагивали парами, их рубиновые глаза-искры злобно мерцали в полумраке. Где-то вдалеке, в самой глубине этого хаоса, слышались крики — не боевые кличи, а протяжные, полные такой безысходности стоны, что даже привычные ко всему демоны ускоряли шаг.

В центре Чертогов возвышался тронный зал. Он не имел крыши — только четыре колонны из обсидиана, уходящие в самое небо, и круглый помост, на котором не восседал никто. Трон Бетрезена был пуст. Точнее, его занимала Тьма — абсолютная, живая, дышащая. Она колыхалась, словно чёрный бархат под неошутимым ветром, и из неё исходил Голос.

Перед Тьмой на одном колене стоял тот, кого легионы знали под именем Мордред.

Он был обнажён по пояс. Не по бравате, а потому что доспехи ему не требовались. Его кожа сама была бронёй — иссиня-чёрная, спекшаяся в чудовищные узоры, напоминавшие то ли застывшую лаву, то ли побеги ядовитого плюща. Эти узоры не были татуировкой или раскраской — они выступали над поверхностью, образуя естественные рёбра жёсткости, гребни и пластины, делившие его торс на сегменты, как у хитинового насекомого. При движении они не гнулись, а скользили друг относительно друга с тихим, сухим шорохом. Это была кожа, вываренная в адском пламени, выжженная до состояния керамики, но сохранившая чувствительность.

Он был худ, как клинок, и так же опасен. Высокие скулы, тонкий нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза. Ни бровей, ни ресниц — лишь гладкий череп, обтянутый той же узорчатой бронёй, лишённый малейшего признака волос. Его лицо пересекал тонкий шрам от левой скулы до уголка рта, и шрам этот был единственной линией, нарушавшей симметрию узора. Глаза горели ровным жёлтым светом — ни зрачков, ни белков, только два уголька, в которых читался холодный, математический интеллект. Это был не зверь. Это был полководец.

За спиной Мордред покоем меч. Двуручный, колоссальный клинок в два метра длиной, из чёрной стали, которая не отражала свет, а поглощала его. Он не висел в ножнах — их просто не существовало для такого оружия. Меч парил в миллиметре от его спины, удержи-

ваемый незримой силой. Лезвие было прямым, без единой зазубрины, и от него веяло таким холодом, что воздух вокруг слегка дрожал. Пока меч молчал. Пока.

— Говори, — произнесла Тьма.

Голос Бетрезена не гремел. Он не был похож на рык зверя или шипение змеи. Это был голос, который проникал не в уши, а прямо в кости, минуя плоть. Спокойный, глубокий, резонирующий где-то в основании черепа. В нём звучала древняя, бездонная печаль — и потому он был страшнее любого крика.

Мордред поднял голову, но не встал.

— Мой Господин, я докладываю о ситуации на Эмридском направлении. Ударная группа, посланная для проверки обороны Империи, встретила сопротивление. Молох уничтожен. Потери среди Алогонов — восемь особей.

Тьма колыхнулась. Это движение могло означать что угодно — гнев, интерес, безразличие. Мордред знал, что гадать бесполезно. Он продолжил, чётко, по-военному:

— Это не были основные силы Империи. Удар принял один-единственный отряд под командованием капитана. Я изучил остаточные следы его ауры на поле боя. — Герцог сделал короткую паузу. — Среди людей появился выдающийся воин.

— Выдающийся настолько, что смог убить Молоха в одиночку? — в голосе Бетрезена мелькнула тень интереса.

— Так точно, мой Господин. Он использовал тактику ближнего боя, а не молитвы и не магию. Его клинок обладает способностью разделяться. Его рефлексы превосходят человеческие. — Мордред позволил себе тонкую улыбку, шрам на его щеке дрогнул. — И он мыслит. Не как фанатик, а как тактик.

— Он угроза?

— Нет, мой Господин, — Герцог покачал головой. — Он не сможет помешать дальнейшим планам Легионов. Он всего лишь человек. Одарённый, но человек. А люди, какими бы сильными ни были, имеют свойство ошибаться. Я позабочусь об этом.

Тьма помолчала. Потом Голос произнёс:

— Ты говоришь о нём почти с уважением.

Мордред не дрогнул.

— Я признаю силу в любом её проявлении. Это не мешает мне её уничтожить.

Тьма вновь колыхнулась, и Мордреду показалось, что в её глубинах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Иди. Продолжай готовить Легионы. Мне нужно знать, как далеко зашла слепота Империи.

Мордред склонил голову и поднялся. Его меч беззвучно скользнул за ним, повинуюсь движению плеч. Развернувшись, Герцог покинул тронный зал твёрдым, размеренным шагом — шагом того, кто не знает сомнений.

### Глава 3: Слепые пастыри

Дорога к Эмридской Заставе заняла остаток ночи. Когда мы вышли к воротам, серое небо Невендаара уже начало наливаться тусклым свинцом рассвета. Солдаты шагали молча. Раненых мы несли на самодельных носилках, и каждый стон, срывавшийся с их губ, напоминал мне о цене этой победы. Не о славе. О цене.

Застава встретила нас запахом ладана и страха. Эмрид был не просто военным укреплением — это был один из ключевых городов-крепостей на восточном тракте. Высокие каменные стены, увенчанные статуями святых, сжимали в своих объятиях узкие улочки, мощённые булыжником, и приземистые дома с островерхими крышами. Над всем возвышался шпиль Кафедрального Собора — острая игла, пронзающая низкие тучи.

Но красота эта была суровой. Люди здесь не улыбались. Женщины, кутавшиеся в серые плащи, провожали наш отряд взглядами, полными застарелой тревоги. Торговцы на рыночной площади сворачивали свои лотки раньше времени, хотя день только начинался. Дети не играли в догонялки — они молча сидели на ступенях, наблюдая за марширующими солдатами, и в их глазах читался один и тот же немой вопрос: «Когда за нами придут?»

Это была Империя, которую мы защищали. Империя, зажата между молотом Инквизиции и наковальней Преисподней.

Я распустил отряд у казарм, дав людям двенадцать часов отдыха, и направился в Собор. Посыльный от Трибунала перехватил меня у штаба — мальчишка лет

четырнадцати с вытаращенными глазами. Отец-дознаватель ожидал меня. Срочно.

В Соборе пахло не святостью — пахло старым пергаментом, ладаном и чем-то ещё, что я научился распознавать за годы службы: страхом. Страхом, въевшимся в каменные стены, как копоть свечей. Высокие своды терялись в полумраке, и только узкие витражные окна бросали на пол длинные полосы багрового и синего света, похожие на кровоподтёки.

Отец-дознаватель ждал меня не у алтаря, а в боковом приделе, в комнате для допросов. Его имя было Амброзиус — сухой старик с лицом, напоминавшим пергамент, на котором записывали приговоры. Глаза — два тусклых серых камня — смотрели не на меня, а словно сквозь, в ту точку пространства, где, по его мнению, находилась истина.

— Капитан Сейрус, — произнёс он, не поздоровавшись. — Вы докладываете о Молохе на Имперском Тракте. Это тревожное известие.

— Тревожное, но не неожиданное, — ответил я, останавливаясь в двух шагах от его стола. — Пикеты были сняты за сутки до нападения. Кто-то отдал приказ.

Амброзиус не моргнул. Его пальцы, похожие на птичьи когти, перебирали чётки.

— Пикеты были передислоцированы для усиления северного направления. Тактические решения не всегда очевидны младшему командному составу.

— Северное направление в ста милях отсюда. Кто должен был прикрывать Тракт?

— Вера, капитан. Вера прикрывает всё.

Я сжал челюсти. Предел молчал, но разум работал, прокручивая его слова, как жернова — зерно. Он не ответил на вопрос. Он сказал фразу, которая звучала благочестиво, но не значила ничего.

— Отец-дознаватель, — я понизил голос. — Молох третьего круга и два десятка Алогоннов прошли по Тракту беспрепятственно. Если бы мой отряд не оказался там случайно, они вышли бы к воротам Эмрида. Без предупреждения. Без освящённого барьера. Гражданские...

— Гражданские находятся под защитой Вседержителя, — перебил он. — Как и все мы. Ваше дело, капитан, не задавать вопросы о том, что выше вашего понимания. Ваше дело — убивать демонов. Вы с этим справились. Похвально.

Он выдержал паузу, и его губы растянулись в подобие улыбки, от которой у меня похолодело в груди.

— Настолько похвально, что Святой Трибунал рассмотрит возможность повышения. Возможно, вы достойны большего, чем командовать дюжиной солдат.

— Я не прошу повышения. Я прошу ответов.

— Ответы даются тем, кто готов их услышать, — он склонил голову набок. — А вы, капитан, пока ещё не готовы. Ступайте. Отдыхайте. Скоро у вас будет новый приказ.

Я развернулся и вышел, не дожидаясь благословения. Каждый шаг по каменным плитам отдавался в висках. Он что-то знал. Или, что хуже, он во что-то верил — во что-то, что оправдывало отправку солдат на убой. Но во что?

Выйдя из Собора, я не пошёл в казармы. Я направился к лазарету.

Там, в длинном каменном помещении с низкими сводами, пахло гнилью. Не демонической, а человеческой. Раненые лежали в два ряда, на грубых деревянных топчанах, и их лица были серыми, как небо за окном. У одного культия руки, замотанная пропитанными бурой жидкостью бинтами. У второго — рваная рана через всю грудь, стянутая грубыми швами. У третьего глаза открыты, но он не смотрит — просто лежит и шепчет молитву, одну и ту же, снова и снова.

Из двенадцати моих солдат, вышедших на патруль, четверо были здесь. Двое не вернуться в строй никогда.

Я стоял в дверях и смотрел на них, и что-то внутри скручивалось в тугий узел. Не жалость. Не гнев. Анализ. Цифры. Факты.

За последние три месяца потери среди патрулей выросли на тридцать процентов. Демоны стали организованнее. Они не просто нападают — они используют тактику. Засады, отвлекающие манёвры, ложные отступления. А мы продолжаем посылать на них дюжины неопытных

солдат с копьями и молитвами. И с каждым разом я вытаскиваю с поля боя всё больше раненых и всё больше тел.

Я вышел из лазарета на внутренний двор Заставы. Там, под серым небом, тренировались новобранцы — мальчишки, которые ещё не видели боя. Они рубили деревянными мечами соломенные чучела, изображавшие бесов. Инструктор, старый сержант с лицом, изрытым шрамами, выкрикивал команды. Мальчишки старались. Их глаза горели — тем самым огнём, который я видел у Герхарда перед штурмом башни. Огнём, который гаснет при первой встрече с реальным демоном.

И тогда я понял.

Нельзя больше вести их. Нельзя смотреть, как они умирают, когда я могу сделать больше. Если враг наращивает силу, если Молохи становятся разведчиками, а Алогоны — пехотой, то ответ должен быть асимметричным.

Нужна не армия. Нужна команда.

Шесть человек. Не дюжина, не взвод. Шесть бойцов, каждый из которых — оружие сам по себе. У каждого — уникальный навык, у каждого — причина ненавидеть демонов, у каждого — воля идти туда, куда не пошлют обычного солдата. Я смогу прикрывать их, они смогут прикрывать друг друга. Мы будем двигаться быстро, бить точно, уходить до того, как враг осознает, что его ударили.

Шесть. Включая меня. Остаётся пятеро.

Где их взять? Эмридская Застава — не столица, но через неё проходят многие. Ветераны, изгои, охотники на тварей, монахи из расформированных орденов. Кто-то сидит в гарнизонной тюрьме за неподчинение приказам. Кто-то пьёт в таверне «Сломанный Щит», дожидаясь контракта. Кто-то, возможно, уже смотрит на меня из толпы и не знает, что его жизнь вот-вот изменится.

Я развернулся и зашагал к кабинету коменданта. Мне нужно было разрешение на формирование особого подразделения. И я собирался его получить, даже если для этого придётся задействовать те самые рычаги, которые так не любит Инквизиция.

## Глава 4: Первый из шести

Слух разнесли быстро. Я знал, что отец-дознаватель Амброзиус приложит к этому руку — не из доброты, а из желания держать всё под контролем. Пусть. Мне нужны были люди, и чем быстрее о наборе узнают, тем лучше.

К полудню у дверей старого тренировочного зала, который комендант выделил мне под смотрины, собралась толпа. Я видел их через окно, пока готовил снаряжение: человек тридцать, может, сорок. Разномастные. Одни в ржавых кирасах поверх крестьянских рубах, другие в чистых, но дурно сидящих доспехах — явно снятых с убитых и не подогнанных. У некоторых оружие держалось в руках так, будто они взяли его впервые сегодня утром.

Я вздохнул. Ладно. Начнём.

Первого звали Грегор. Здоровенный детина с бычьей шеей и татуировкой имперского орла на предплечье. Он уверенно шагнул в круг, покрутил двуручный топор и заявил, что убил трёх Алогонов в одиночку. Я дал ему учебный меч и встал напротив. На то, чтобы выбить оружие из его рук, ушло четыре секунды. Он не лгал про Алогонов — он просто не понимал, что те были ранены арбалетным залпом до того, как он их добил.

Второго звали близнецы. Буквально. Два парня лет девятнадцати, которые двигались синхронно и утверждали, что обладают телепатической связью. Оказалось, они просто хорошо знали друг друга. Когда я разделил клинок и атаковал каждого с разной скоростью, их «связь» рассыпалась в мгновение.

Третий. Четвёртый. Пятый. Ближе к обеду пошла вторая волна — те, кто приехал из соседних гарнизонов. Среди них были неплохие мечники, пара крепких копейщиков, один арбалетчик с отличным глазомером. Я отмечал их имена в списке, но внутри понимал: этого мало. Хорошие солдаты — не то, что мне нужно. Мне нужны исключительные.

К вечеру я устал. Список имён остался пустым. Толпа рассосалась, и тренировочный зал опустел, погрузившись в тишину, нарушаемую только потрескиванием факелов.

Я сидел на деревянной лавке, расстегнув нагрудник, и разминал затёкшее плечо. День прошёл впустую. Может, зря я затеял это? Может, Империя уже не рождает таких, кто способен...

Дверь скрипнула.

Я поднял взгляд, и рука сама собой легла на рукоять. Не осознанно — инстинктивно. Предел, молчавший весь день, шевельнулся где-то в основании черепа.

На пороге стоял человек. Лет тридцати, может, чуть старше. Не высокий и не массивный — среднего роста, с телосложением человека, который знает, что мышцы растут не от еды, а от работы. Одет просто: потёртая кожаная куртка поверх льняной рубахи, дорожные штаны, сапоги, выдавшие не одну сотню миль. Никаких доспехов. Никаких знаков отличия. Только короткий меч на поясе — обычный, без украшений, рабочий инструмент, а не парадная игрушка.

Но не это заставило меня замереть.

От него исходила сила. Не магия — я бы почувствовал магию. Не физическая мощь — я видел людей сильнее. Это было нечто иное: присутствие. Ощущение, что воздух вокруг него стал плотнее, а тени в углах зала — глубже. Так бывает, когда в комнату входит не человек, а событие.

У него было лицо человека, который давно разучился удивляться. Глаза тёмные, спокойные, с сеточкой мелких морщин в уголках — от ветра или от привычки щуриться. Волосы тёмно-русые, коротко стриженные, с проседью на висках. Шрам через левую бровь, ещё один — на подбородке.

— Закрыто, — сказал я, не отпуская рукоять. — Приходи завтра.

Он не ушёл. Вместо этого медленно обвёл взглядом зал, отмечая разбросанное учебное оружие, сколы на каменном полу, мои доспехи, лежащие на лавке. Затем посмотрел на меня — прямо, без вызова, но и без подобострастия.

— Ты ищешь солдат, — произнёс он. Голос был низким и ровным, как гул далёкого горна.

— Я ищу не солдат. Солдаты у меня были. Мне нужны те, кто способен на большее.

Он кивнул, словно ожидал услышать именно это.

— Тогда тебе нужен я.

Я встал. Предел в висках пульсировал всё настойчивее, требуя оценить угрозу. Кто он? Откуда? Почему мой дар реагирует на него, как на Молоха?

— Назови себя, — потребовал я.

— Кассиан.

— Это имя.

Он позволил себе тень улыбки — едва заметную, как трещина на камне.

— Раньше я был дознавателем Трибунала.

Моя рука на рукояти сжалась. Дознаватель. Инквизитор. Человек Амброзиуса? Подослали проверить?

— Ты пришёл по приказу отца-дознавателя?

— Я ушёл из Трибунала три года назад, — ответил он спокойно. — По собственному желанию. С тех пор я охотился на демонов в одиночку. Без благословений, без поддержки, без отчётов.

Он расстегнул кожаную куртку и отвёл её в сторону. На его груди, поверх рубахи, висел простой серебряный знак — символ Вседержителя. Но он был переломлен пополам и снова спаян, грубо, неровным швом. Символ веры, сломанный и восстановленный. Не отречение — переосмысление.

— Почему ушёл? — спросил я, не отводя взгляда от знака.

— Потому что задавал вопросы, которые не нравились Трибуналу. И не удовлетворялся ответами.

Я медленно выдохнул. Предел чуть ослабил хватку, но не исчез совсем. Этот человек был опасен — но не как враг. Как неизвестная переменная в уравнении.

— Допустим. Что ты умеешь?

Кассиан посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Твой правый наплечник. Он был повреждён в последнем бою. Удар пришёлся сверху, под углом примерно в сорок пять градусов. Ты восстановил его сам — клёпки свежие, не кузнечной работы. Но главное не это. Ты дерёшься левой рукой.

Я моргнул. Наплечник действительно был повреждён в бою с Молохом. И я действительно восстановил его сам. И я действительно дерусь левой — этой детали не знал никто, кроме моих солдат.

— Как ты узнал?

— Ты сидел, разминая плечо, когда я вошёл. Ты разминал правое. Значит, левое — твоя ведущая рука, она нагружается в бою, и ты даёшь ей отдых. А наплечник... достаточно посмотреть на расположение заклёпок. Те, что ты ставил сам, чуть мельче заводских.

Я молча смотрел на него. Это не магия. Не дар. Это нечто другое.

— Это и есть твоя способность? — спросил я.

— Я вижу, — сказал он просто. — Не будущее, не прошлое. Я вижу детали. Слабые места. Закономерности. То, что другие пропускают. Я читаю поле боя так же, как ты читаешь противника. Только ты делаешь это в движении, а я — до того, как движение начнётся.

Он выдержал паузу и добавил:

— Когда ты сражался с Молохом, ты вошёл ему в мёртвую зону под тараном. Правильное решение. Но если бы ты знал, что у Молохов третьего круга точка опоры смещена на левую ногу, ты бы атаковал не правое сухожилие, а левое. Бой кончился бы на две секунды раньше.

Я почувствовал, как уголки моих губ дёрнулись вверх.

— Ты видел бой?

— Я видел следы на земле. Их достаточно.

В зале повисла тишина. Я смотрел на Кассиана, и впе

рвые за этот день чувствовал не разочарование, а нечто иное. Надежду. Пожалуй. Или предвкушение.

— Зачем тебе это? — спросил я. — Ты мог охотиться один и дальше.

— Демоны меняются, — ответил он. — Раньше они были хаосом. Теперь у них появилась структура. Тактика. Кто-то ими командует, и этот кто-то умнее, чем все, с кем Империя сталкивалась раньше. Один я не справлюсь. А ты... — он запнулся, подбирая слово, — ты не просто меч. Ты тоже видишь. По-своему.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде не было ни лести, ни вызова — только холодная оценка.

— Я не прошу жалования, Сейрус. Я не прошу звания. Я прошу место в твоём отряде.

Я молчал. Предел окончательно утих, но разум продолжал работать. Кассиан. Бывший дознаватель Трибунала. Охотник на демонов. Его дар — зрение деталей, анализ закономерностей. Это не сильнее моего Предела, это другое. Мой дар работает в точке кризиса, в самой гуще боя. Его — до и после. Мы дополняем друг друга.

Я протянул руку.

— Одно условие, — сказал я.

— Какое?

— Никакой лжи. Между нами. Если у тебя есть сомнения — говори. Если ты видишь то, чего не вижу я, — говори. Я не Амброзиус. Мне не нужны молитвы. Мне нужна правда.

Кассиан посмотрел на мою протянутую руку. Затем пожал её. Хватка была сухой и твёрдой, как у человека, который привык держать оружие.

— Договорились.

Я отпустил его руку и кивнул на лавку.

— Садись. Рассказывай. Всё, что знаешь о демонах, об их тактике, об их слабостях. И о том, кто ими командует.

Он сел. И заговорил. А я слушал, и по мере его рассказа картина в моей голове становилась всё чётче. Пазл складывался. Мордред. Герцог. Так звали того, кто стоял за новой тактикой Легионов. Кассиан не знал его имени, но знал почерк. Он отслеживал его уже полгода.

Теперь у нас был враг. И первый член команды. Осталось ещё четверо.

## Глава 5: Поющая

После разговора с Кассианом я не спал. Рассвет застал меня за картами — я отмечал точки нападений за последние полгода, сверял их с тем, что рассказал бывший дознаватель. Узор вырисовывался. Легионы не просто атаковали, они прощупывали. Искали слабые места в обороне, как волки ищут прореху в загоне.

Но для полной картины не хватало данных. И не хватало людей.

Кассиан остался в тренировочном зале — разбирать мои записи, сверять со своими наблюдениями. Я же направился в лазарет. Не только проверить раненых — мне нужен был лекарь для отряда. Обычные полевые медики не годились: нам предстояло идти туда, куда не пошлют обычного солдата. Нужен был кто-то особенный.

Лазарет Эмридской Заставы представлял собой длинное каменное здание с низкими сводами. Внутри пахло травами, уксусом и тем особым запахом, который бывает только в местах, где люди борются со смертью. Сестры-лекари в серых рясах сновали между рядами топчанов, меняли повязки, подносили воду.

Но сегодня здесь было тихо. Непривычно тихо.

Я остановился у входа, пытаюсь понять, что изменилось. И тут услышал пение.

Голос разливался под каменными сводами, как расплавленное серебро. Он не был громким, но проникал всюду — в каждую щель, в каждую рану. Слов я не разбирал — это была не имперская речь, возможно, даже не человеческая. Древний язык, на котором когда-то говорили ангелы.

Я пошёл на звук.

В дальнем конце лазарета, где лежали самые тяжёлые, стояла она.

Девушка. Совсем юная — на вид лет двадцать, не больше. Высокая, стройная, облачённая в белоснежную рясу с серебряным шитьём — облачение, которое имели право носить только сёстры высшего ранга, прорицательницы Святого Трибунала. Её волосы, цвета лунного серебра, были убраны под простой белый плат, но несколько прядей выбились и падали на плечи. Лицо бледное, тонкое, с острыми скулами и тёмными бровями, которые сейчас были слегка сведены в сосредоточенности. Глаза закрыты. Губы шевелятся, исторгая тот самый неземной напев.

Вокруг неё стояли лекари — замерев, боясь пошевелиться. Солдаты на топчанах приподнялись, кто мог. Атмосфера была не церковной, не торжественной — а какой-то интимной, как будто каждый здесь стал свидетелем чуда, которое не предназначено для посторонних глаз.

Я посмотрел на пациента, над которым она работала. Это был один из моих солдат — тот самый, с рваной раной через всю грудь. Я думал, он не выживет. Сейчас он лежал с открытыми глазами, и на его лице не было боли. Только покой.

Пение достигло высшей точки. Девушка подняла руку и провела над раной, не касаясь её. Ткани под её ладонью засветились мягким золотистым светом. Края раны дрогнули, потянулись друг к другу, как живые. Плоть восстанавливалась на глазах — не грубым шрамом, а чистой, розовой кожей. Ещё мгновение — и на месте жуткой раны осталось лишь бледное пятно.

Солдат всхлипнул. То ли от облегчения, то ли от благодарности. Девушка открыла глаза и посмотрела на него.

— Ты здоров, — произнесла она тихо, но я услышал. — Отдыхай.

И тут она заметила меня.

Наши взгляды встретились. У неё были глаза цвета меди — тёплые, но с каким-то внутренним огнём, который обжигал даже на расстоянии. В этот момент что-то промелькнуло в их глубине. Не узнавание — нет. Скорее, тень воспоминания, как будто она увидела призрак и не была уверена, что он реален. Её щёки едва заметно порозовели. Она быстро опустила ресницы, спрятав взгляд.

— Капитан Сейрус, — произнесла она, и её голос уже звучал иначе: собранно, официально.

— Вы знаете меня? — я шагнул ближе.

— Вас трудно не знать, — она чуть склонила голову. — Эмридская Застава только и говорит о воине, что в одиночку убил Молоха.

Я бросил взгляд на её облачение. Прорицательница. Высокий сан. Серебряное шитьё на рукавах говорило о том, что она не просто сестра, а советница при Трибунале. Что такая делает в полевом лазарете, а не в столичном Соборе?

— Вы издалека, сестра? — спросил я.

— Из столицы. Меня зовут Лиара. — Она чуть помедлила, прежде чем добавить: — Я здесь по делу. Проверяю состояние гарнизонных лазаретов на восточном направлении.

— Проверяете, — повторил я. — А заодно восстанавливаете людям оторванные конечности?

Она улыбнулась краешком губ. Улыбка была мягкой, но в ней чувствовалась сталь.

— Дар не спрашивает, какое у меня звание. Он просто требует быть там, где боль.

Я посмотрел на солдата, который уже сидел на топчане и с недоверием ощупывал свою грудь. Потом снова на Лиару. Прорицательница. Целительница. Поющая на языке, который я не слышал даже в храмах. И молода — слишком молода для такого сана. Одарённая.

И красивая. Я отметил это краем сознания — не как мужчина смотрит на женщину, а как воин отмечает достоинства союзника. Но что-то в её лице, в её манере держаться зацепило меня глубже. Что-то неуловимо знакомое.

«Где я мог её видеть?» — мелькнула мысль. Но я отогнал её. Сейчас не время.

— Ваш дар... — начал я, но она перебила — мягко, но твёрдо:

— Я слышала, вы набираете людей в отряд. Для особых задач.

Я нахмурился. Слухи действительно разлетелись быстро.

— Я набираю воинов.

— Я не воин, — она выдержала паузу. — Но я умею то, чего не умеет ни один воин. Я могу вернуть бойца в строй за минуту. Я могу исцелить рану, которая смертельна для обычной медицины. Я могу пойти туда, куда не пойдёт ни один полковой лекарь. — Она снова подняла на меня глаза, и на этот раз в них читался вызов. — И я не боюсь демонов.

Я молчал, обдумывая её слова. Она просилась в отряд. Но почему? Сестра высшего ранга, советница Трибунала — что ей делать среди наёмников и изгоев?

— Почему? — спросил я прямо. — Почему сестра вашего ранга хочет идти в бой?

Она отвела взгляд. Всего на секунду, но я заметил.

— Потому что демоны отняли у меня всё, — произнесла она тихо. — И потому что мой дар — это не только исцеление. Я вижу суть вещей. Я чувствую, что грядёт нечто большее, чем просто война. И я чувствую, что вы — капитан — часть этого.

Я смотрел на неё. В её словах было что-то, чего я не мог уловить. Что-то личное. Что-то, связанное со мной. Но я не стал давить.

— Я подумаю, — сказал я. — Это не храмовая служба, сестра. Это рейды в сердце тьмы. Без гарантий. Без поддержки. Вы уверены, что готовы?

— Я... — она запнулась — Я приду завтра. Дайте мне время.

Я кивнул. Она развернулась и вышла из лазарета. Я смотрел ей вслед и снова поймал себя на мысли, что её лицо кажется мне знакомым. Не из недавнего — из далёкого прошлого. Какая-то деревня, крики, огонь... Я тряхнул головой. Не сейчас.

Но она мне понравилась. Не как женщина — как человек. В ней чувствовалась сила. Тихая, спокойная, но несгибаемая. Такая сила бывает только у тех, кто пережил большую боль и не сломался. Я не знал, придёт ли она завтра. Но надеялся, что придёт.

## Лиара

Я вышла из лазарета и остановилась, прижавшись спиной к холодной каменной стене. Сердце колотилось так, будто я пробежала лигу. Почему? Я видела сотни людей — солдат, офицеров, инквизиторов. Почему этот капитан заставил меня... смутиться?

Я закрыла глаза. И снова увидела его. Высокий блондин с голубыми глазами — такими светлыми, что они казались льдом на солнце. Прямая спина, широкие плечи, уверенные движения. Он не был похож на других офицеров — не носил золотых нашивок, не говорил напыщенно. В нём чувствовалась... надёжность. Такая надёжность, которую я не ощущала с тех пор, как погиб мой отец.

«Капитан Сейрус», — повторила я про себя. О нём уже ходили легенды в Эмриде: воин, в одиночку убивший Молоха, тактик, не проигравший ни одной стычки. Но я представляла его иначе — суровым, грубым, покрытым шрамами. А он оказался... красивым. Не просто красивым — в его лице было что-то, что тронуло меня. Что-то знакомое.

«Где я его видела?» — мелькнула мысль. Ответ пришёл мгновенно, и я замерла.

Брэнвик. Пять лет назад. Горящие дома, крики, дым. И молодой рыцарь, который разгрёб обломки и вытащил меня из-под балки. Я запомнила его лицо — тогда, в отсветах пламени. Я запомнила его голос: «Ты жива. Это главное. Всё остальное можно пережить».

Это был он. Тот самый рыцарь. Теперь — капитан.

Я открыла глаза и прижала ладонь к груди, пытаясь унять сердцебиение. Он не узнал меня. Конечно, не узнал — с тех пор прошло пять лет, и я была тогда испуганной девчонкой, перепачканной сажей. Но я узнала его.

И я сказала ему, что хочу в отряд. Сказала, почти не думая. Повинуясь порыву. Но сейчас, стоя у стены лазарета, я засомневалась. Что я делаю? Я — прорицательница Трибунала. Моё место — в Соборе, за молитвами. Не на поле боя.

«Но он там будет. Он будет сражаться. А я буду сидеть в безопасности и молиться за него?»

Я покачала головой. Нет. Я не могу просто молиться. Мой дар — не для этого. Но идти в отряд прямо сейчас... Это слишком быстро. Слишком необдуманно.

— Завтра, — прошептала я. — Я приду завтра.

Но к тому моменту всё изменится.

Я не спала всю ночь. Лежала в своей келье при храме, смотрела в каменный потолок и прокручивала в голове наш разговор с капитаном. Его лицо стояло перед глазами — эти светлые, почти ледяные глаза, которые смотрели на меня с оценивающим спокойствием. Он не пытался произвести впечатление. Не хвалился подвигами. Просто говорил по делу.

«Я набираю воинов», — сказал он.

А я — целительница. Не воин. Что я могу дать отряду, который идёт в самое пекло?

Я перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку. Глупо. Глупо было вообще заговаривать об этом. Кто я такая, чтобы идти в бой? Прорицательница, которая поёт над ранеными в безопасном лазарете. Моё место здесь.

Но его лицо не уходило. И голос. И то, как он сказал: «Я подумаю» — не отказ, не согласие, а именно обещание подумать. Как будто он действительно рассматривал мою кандидатуру. Как будто я чего-то стоила.

Я заснула только под утро, когда серый рассвет начал пробиваться сквозь узкое окно.

Разбудил меня колокол. Не размеренный звон к молитве — тревожный, частый, захлёбывающийся. Так звонили только когда...

— Нападение! — крикнул кто-то в коридоре. — Деревня у восточного тракта! Везут раненых!

Я вскочила с постели, набросила рясу и выбежала в лазарет.

Там уже кипела работа. Сестры готовили койки, кипятили воду, рвали бинты. Старший лекарь, отец Бернард, раздавал приказы. Я встала в строй, не дожидаясь указаний — знала своё место.

Первую повозку я увидела через полчаса. Она была набита ранеными так, что тела лежали друг на друге. Кровь капала сквозь доски на мостовую. Я бросилась помогать.

— Демоны? — спросила я у солдата, который держал разорванное плечо.

— Нет, — прохрипел он. — Разбойники. Целая банда. Человек тридцать. Вырезали полдеревни.

Я

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.